

Глава 1

НАЧАЛО БУРИ

По морю плыли корабли с берегов турецких дальних,
И Каспий нежен был и тих для смелых, непечальных
Уральских дружных казаков, домой что возвращались,
На мачтах крылья-паруса ретиво колыхались.
Дарил попутные ветра Стрибог в пути далёком,
Бог Посейдон не слал шторма – не заслужил упрёка.
Летели брызги волн седых, да ветер дул солёный,
Добычей полнилась корма, как никогда – хвалёной.
«Без боя нынче обошлись, к нам турок стался добр,
Клинки свои не заострил, что злее диких кобр, –
Лихой кичился атаман успехами похода, –
Знать, испугался басурман сраженья хорОВОДА».
В ответ кивали казаки, да весело смеялись,
Давно с Османской стороной уж стычки продолжались.
Столетия два тому назад схлестнулись русский с турком,
Гремел зловещий пляс войны, как на балу мазурка:
То с крымским ханом заодно к Москве пойдут с войною
Отряды турок, коих тьма, грозясь попать святое;
То русский дух подымет стяг, Азов возьмёт в охапку,
С победы кличем на устах закинет в небо шапку.
Так дерзкий зачастил казак к османским землям плавать –
Бурлит в крови шальная кровь горячей, жгучей лавой.

Но ныне вышли русаки к реке Яик родимой,
О доме грезя по ночам, насытившись чужбиной.
Их ждал Яицкий городок, в нём жёны да детишки:
В разлуке полнится любовь – в пути ей нет излишка.
«Ну что, Неждан, когда ещё поход предпримешь новый?», –
У атамана вопрошал соратник-друг суровый.
«Теперь нескоро захочу увидеть стран заморских –
Хочу обнять жену, детей, к дороге ж стался чёрствым, –

Сказал с улыбкою вожак соратнику Добрыне. –
Во снах, брат, вижу край родной – вот главная святыня». –
И вскоре встретил мирный дом, в нём отпрыски и жёны;
Объятая радостны, крепки, разлукой искушённых.
Теперь судьба пусть потечёт счастливо, полнокровно,
Еду согреет в доме печь – не ратная жаровня.

Но после встречи, тёплых слов, да отдыха с дороги,
По городу пронёсся слух, в сердцах родил тревогу.
Мол, собирают казаков для дела, но вот чести
В нём сложно будет отыскать, то дело пахло мезью.
Жену тогда позвал Неждан, завёл беседу тихо:
«Я жизни мирной возжелал, но в дверь стучится лихо».
Жена-красавица молчит, немного побледнела,
Знать, не того она ждала, лишь счастья хотела.
А муж-казак продолжил речь, нахмурил в думах брови:
«Зовёт начальство в скверный бой – не обойтись без крови.
Отдал приказ наш генерал¹ побить калмыков мирных,
Вина же непослушных в том, кочуют что настырно.
Сейчас уйти в Китай хотят от тяжких угнетений –
Дворянство в жадности своей не взвесило стремлений».

Здесь слово надобно сказать о житии казаком –
Известно доблестью своей, сплочённой силой братской.
Но не по нраву этот кон начальству из столицы:
Народ смиренным должен быть и волей не кичиться.
Указ такой в Яик пришёл: всех казаков – в гусары,
Им бороды густые сбрить, унять крутые нравы.
Пускай народ прижмут к ногтю, хоть сами из народа.
Гляди ж, не хочет с честью люд терпеть свои невзгоды!
Крепчал в то время гнёт крестьян и крепостных рабочих².
Налогом барин обирал до барышей охочий;
Дворянство в дикий страшный пляс желания пускало:
Не знал чтоб воли русский муж – его поработало.
В Яике весь народ роптал – взовьётся знамя духа!

---

¹ Полный чин генерал-майор.

² Здесь работные.

И глас тот мухой раздражал императрицы ухо.
Тогда направила она в Яик Траубенберга,
Пусть гордый дух у посельчан он силою низвергнет.
Желала тем решить вопрос София Фредерика,
Не думала, что в тех краях ей смерть покажет лико.
Среди казачества на том пошло разъединенье,
Цепями, стражей не унять народное волненье.
Два лагеря больших теперь: «согласных», «несогласных»;
Для власти эти части две – смиренных и опасных.
Одна поддерживает власть – готова на калмыков,
В беде блуждающих, напасть орудием безликим.
Другая супротив идёт – не мило ей гоненье,
Да и в оковах крепостных не разглядит спасенья.

Наш атаман среди вторых: не гнётся его воля,
В опалу, верно, попадёт – такая, видно, доля.
«Неждан, а может, переждёшь, пока утихнет буря?», –
Любава мужа обняла богиней белокурой.
«Ох, не могу сидеть и ждать, – казак ответил твёрдо, –
Коль злая воля, словно ночь, над миром распростёрта».
И братский круг Яик собрал из казаков да прочих –
Всё обсудить, совет держать, да взвесить «за» и «против».
Так, через споры и слова, решение укрепилося;
В сердца горячие, умы когтями уцепилось:
Идти к начальникам своим, сидели что в Яике,
Авось, послушают народ, не скорчат лица в рыке.
Пускай калмыки прочь уйдут – стремленье их законно,
Да казаков желанье брить в гусары – не резонно!
И за собой народ повёл казак старшой, мятежный,
Императрице бить челом ему случалось прежде –
Иван Кирпичников лихой, что сотником был в войске,
Его в Яике знают все, здесь всем казак тот свойский.
Неждан в отряде тоже был, Добрыня шёл с ним рядом;
Смеялись невпопад мужи: «Тюрьма ждёт иль награда!?».
А с казаками во толпе шли дети их и жёны,
В руках иконы вдаль несли, оклады золочёны.
То было в мёрзлом январе, земля в убранстве белом;
Звёзд доля – вспылать в ночи, бороться – доля смелых.

«Теперь пусть местный капитан речам правдивым внемлет! – Кричал Иван, воззвал с собой – дух равенства не дремлет, – Да супостаты на местах в покое люд оставят И более простой народ жить бедно не заставят!».

«Всё, что украли – отдадут, мы честно заслужили!», – Устали люди от невзгод, спокойствие забыли.

Но миром дело не срослось – смерть показала когти, Сменить собрались краски цвет в крови, дыму и дёгте.

А генерал Траубенберг, что прислан из столицы, Готовил пушки и солдат, как Клавдий колесницы,

Да воинов посылал на бой: «Мятежных не щадите! Императрицы нашей власть пребудет здесь в зените!».

Драгуны все, да егеря, в полку что генерала, Толпу увидев вдалеке, вниз сдвинули забрала.

На то народ не стал молчать: «Из города уйдите, Мы не хотим смертельных драк, детей своих растите».

Часть несогласных казаков от массы отделилась И в окруженье драгунов неспешно заструилась.

Тут грянул выстрел, словно гром, порвал слова на части, А следом выстрелов гурьба, как смерти жадны пасти!

И падали тела на снег – и взрослых, и младенцев: Людей не видел генерал в народных поселенцах.

Так жизни вмиг оборвались у сотни из Яика, А у семей и их родных жизнь сделалась безликой.

Да стон от раненых пошёл, надрывны в боли крики – В том воли не было богов, молчат архистратиги.

«Кто за оружием со мной? Отмстим столичным главам! – Неждан позвал народ на бой. – Не будем кротки нравом!».

Любава ранена его, лежит бледна, но дышит, Казак домой её понёс, как сердце бьётся слышит.

Там уложил жену в кровать – ранение не сильно: Скользнула пуля по руке – кровь не идёт обильно.

Любаве мать подозвал, чай, последит за дочкой, Пока казак поддержит бой, поставит в споре точку.

Тем временем лился мотив сраженья неуёмно, И день, что светел был и мил, вдруг стался страшным, тёмным.

Сбегались молча казаки к отрядам Фредерики,

Теперь с оружием они, в пылу сраженья дики.
Стреляли с крыш и из домов, создали окружение.
Артиллеристы не смогли сломить их наступленье:
Вдруг пушки бросили свои и в спешке разбежались –
Восставшим вскоре пушки те целёхоньки достались.
«Стреляй в убивцев! Метче пли! Накажем супостатов! –
Кирпичников давал указ. – Да не жалей снарядов!».
И ружья вторили пальбе вослед прочь убежавшим.
Неждан с Добрыней тоже здесь, среди людей восставших.
Траубенберг-хитрец хотел укрыться от погони,
Но не умчать – не улететь от ястреба вороне.
Лежит сейчас зарублен он, нить мойры оборвали,
Медали, званья, ордена в посмертье не забрали.
Теперь всех пленных посчитать, да посадить под стражу,
Покойных семьям разнести, смыть с кожи кровь и сажу...

***

Набатный колокол собрал назавтра круг-собрание:
Желанье есть студить беду, дать правду мирозданию.
Старшины долго речь вели, глаголя, как быть дальше,
Каратели чтоб не пришли с жестоким мщенья вальсом.
«Нам челобитные нужны – Екатерине вручим,
Поведаем о бедах ей, события озвучим.
Узнает – властью высшею здесь злоупотребляли,
Законы низкие свои в бесстыдстве навязали.
Попросим выборность вернуть старшинам, атаманам;
Проворовавшихся убрать немилости тараном.
Для государства наш народ, что монолит-фундамент,
Пусть с населеньем будет власть сердцами и умами!
Гонца отправим в Оренбург, там местный управленец –
Услышит Рейнсдорп о цепях несправедных давлений...

И делегация пришла в Санкт-Петербург зимою,
Покамест властвовал февраль, но мир дышал весною.
Все думали: «Ещё чуть-чуть – восторжествует правда!», –
Не знали наши казаки – капкан уже расставлен.
Там, в Петербурге, храбрецов без слов арестовали,

В большую крепость упекли, под рученьки забрали.
То губернатора был план, что Рейнсдорпом кличут –
Напал на яицкий народ, как коршун на добычу.
И государственный совет Екатериной созван:
Отряд, что выслан на Яик, карательным обозван.
Узнают все: идти на власть – большое преступленье,
Люд должен с кротостью терпеть все беды и лишенья.
В главе отряда Фрейман встал – муж генералом ныне,
Он волю высшую несёт – пребудет бунт в руинах!
За то ль боролись казаки, да жизни отдавали?
Их вольности, что грели дух, бесстрастно забирали.

Пока карательный отряд шёл из столицы споро,
Наш Рейнсдорп тоже не дремал, поймал стезю задора.
В Яик посыльного погнал с приказом вызнать планы:
Мятежники собой просты, возьмём-ка их обманом.
Посыльный атаманом был в Яицком граде прежде –
Узнает у народа вдруг все чаянья-надежды.
И созван войсковой вновь круг с посыльным уж в Яике,
Сошлись мужи степенные в шумливом споре-крике.
«Пленённых нужно отпустить, за нас вдруг похлопочут,
Тогда, глядишь, и выстрелы в тиши не загрохочут.
Поговорим о мире лишь, да вольности получим,
Не станет ссора длительной, боёв не будет жгучих», –
Призвал народ Кирпичников, надеялся на разум,
Хотел для дела избежать смертельного окраса.
Неждан с Добрыней вместе с ним – угомонили злобу,
Но много шумных казаков, что мыслят по-другому:
«Императрица пусть решит – мы только ей поверим.
И пленным воли не дадим, не станем лицемерить».
Речь долго пламенем лилась, но нету соглашенья,
В умах лишь разные пути, да царствуют сомненья.
Посыльный к Рейнсдорпу пришёл, поведал о метаньях
Посредь мятежных казаков, в решениях шатанья:
«Нет войска цельного в рядах, не слажена команда,
Их можно скоро одолеть без дюжего таланта».
Рейнсдорп услышанному рад, он потирал ладони:
Как Фрейман войско приведёт – мятежников погонит.

И в мае корпус егерей да драгунов летучих
Ко граду прибыл казаков, подобно тёмной туче.
В Яицком ж граде сборы шли – оружие, порох, кони;
Клинки казачьи чищены до блеска, заострёны.
Пока ещё не ведомо – быть миру или схватке,
Хоть столкновенью ражему причины есть в достатке.
«Сразим, – кричали, – Фреймана! А позже на столицу!
К нам люд простой прибавится, в сраженьях пригодится!», –
Одни желали казаки, готовились к атаке.
Другие чтили сдержанность – всегда успеешь к драке.
Решили у Генварцева форпоста встретить рати,
Вести беседу с Фрейманом о нынешнем разладе.
Так в лета самый первый день ушёл переговорщик –
Перфильев, сотником служил, работу взял, не морщась.
И Фрейман сотника встречал, готовил речи к спору:
Казак желает милости – не быть такому вздору!

«Ну, Афанасий, скажешь что, озвучишь предложенья?
Неправедный поддержишь бунт иль дашь ему забвенья?», –
Беседу начал генерал, глядел с прищуром хитрым,
Желая поскорее сжечь бунта-восстанья гидру.
«Не можем, значит, разуместь, зачем вы в град идёте –
Напасть волком замыслили иль проявить заботу?
Ступайте ж лучше по домам, – промолвил Афанасий, –
Коль будем спорить продолжать – нам не найти согласий».
«А много ль вас, кто не поймёт, зачем привёл я войско?», –
С улыбкой Фрейман вопрошал, как будто сотник свойский.
«Тех, с ружьями что – тыщи три, да казаков несчётно», –
Хотел Перфильев обмануть, превысил счёт охотно.
«Я б, Афанасий, рад уйти, но нужно мне немного.
Отдайте главарей своих – я не прошу другого.
Да скиньте ружья вон из рук, сидите тихо-мирно;
Мои войска во град войдут, не будут там настырны».
Перфильев не принял совет, сказал: «Ты битвы узник:
Все во сражении помрём – вас в городок не пустим!».

В июне, третьего числа, атаку Фрейман начал,
Врасплох застал простой народ – не захотел иначе:

Под утро самое напал, рассвет ещё рождался,
И гомон выстрелов, огня вдруг в тишину ворвался.
Недоглядели казаки за тем перемещеньем,
Навстречу наспех собрались – досадно упущенье –
Да подожгли в степи траву, чтоб дым движенья прятал,
Скатили пушки для стрельбы, упорство бой сосватал.
Пошла такая тут пальба – снаряд свистел игриво!
Вот только дыма пелена снаряды слала мимо.
«Для конницы пришла пора – пускай её в атаку!
Побьём зарвавшийся народ – бандитскую ватагу! –
Приказы Фрейман раздавал, махал блестящей саблей, –
Не одолеет нас бунтарь, внезапностью ослаблен!».
И отошли тут казаки, не выдержав напора –
Поболе пушек у властей, чернеют, как вороны.
Тогда мятежные мужи дорогу обступили –
Холмы, что были по бокам, в редуты превратили.
Нет, не пройти по ней во град у Фреймана отрядам:
Обстрел с холмов начнёт казак свинцовым плотным градом.
Так первый боя день прошёл, был на победу жаден,
Да не скупился на урон – людскою смертью смраден.
И в городок ушли гонцы: «Враг не прошёл сегодня,
Да завтра выстоять должны – дышите в ночь свободно».
И не осталось в граде тех, кто примиренья жаждал,
Не смог народ простить к себе немилость злую дважды.

А Фрейман снова хитрый план придумал к нападенью.
Решил коварством город взять, преград нет для стремленья.
Вид сделал, что послал войска к реке для переправы,
Сам пушки выше разместил – собрать жатву кроваву.
«Эй, гренадёры, веселей ж палите из засады! –
Давал указы генерал. – Не береги бравады!».
И поддалися казаки на переправу войска,
Ложь не разгадана была, удар из пушек – жёсток.
Умылись кровью храбрецы, ко граду отступили,
Лишь за собой пожгли мосты, враги чтоб не спешили.
Погиб Добрыня в том бою, Неждан сердит-печален:
Свою друг волю защищал, в бою стал смертью славен.
«Любава, нужно уходить, бежать к границе персов.

Коль здесь останемся сейчас, наш станет мир истерзан», –
Жене казак то говорил, слова бросал скупые,
Любава слёзы уняла – лета идут лихие.
Их тысяч тридцать собралось, кто уходить решился,
В сердцах настойчивость жила – никто не примирился
С разгулом гнёта на народ от власти чужеземной.
Жизнь вольностью должна дышать – не затхлостью тюремной!
И через реку перешли, Чаган что прозывалась:
Войска, когда во град пришли, людей не досчитались.
«Отправим к жителям послов – нужны переговоры.
Витошнов, Журавлёв пойдут, пусть затевают сборы, –
Распоряженье отдавал начальник Фрейман споро, –
Чтобы вернулся люд простой, не дал поспешно дёру».

Так сотники ушли вперёд – работать языками,
Народ обратно зазывать прощёнными грехами:
«В родной вернитесь городок, оружие сложите,
Иначе казнь страшна вас ждёт, себя ж скорей спасите!
По следу вашему пойдут каратели-убивцы,
Управу сыщут на беду бунтовщиков-спесивцев».
И многие пришли назад – с детьми кто или болен,
Но Фрейман – хитрый генерал – не до конца доволен:
«Сто двадцать восемь из дворов стоять пусты остались.
Те, кто прийти не захотел – с судьбою заигрались.
Пускай Яицкий городок в осаде пребывает,
Его же жителям ловить я рыбу воспрещаю».
Так к разоренью казаков повёл посол столичный,
Свои хотенья средь людей провозглашая зычно.
Для пущей страсти был введён надсмотрщик-полицмейстер,
Народ простой чтоб осознал – он участью плебейский.
На поиск тех, кто не пришёл, погоню снарядили,
Прервать спасительный побег мятежников спешили.
«Награду крупную дадим, кто беженцев споймает, –
Вояка Фрейман объявил. – Пусть всякий это знает!».
И вот погоня понеслась из тысячи ретивых –
Две сотни пленных привели упрямых да бодливых.
Средь них Кирпичников казак, что в бунте был из первых.
«Ответят пленные за всё, судьба их ныне – стерва», –

Шептал тихонько генерал, писал Екатерине,
Что, мол, слуга её удал в провинции-чужбине.

Но вскоре Фрейман вызван был Рейнсдорпом вон из града,
Вернулся мигом генерал, забрал свои награды.
Потом судебный приговор мятежным обсуждали:
Хотели множество казнить, но опосля смягчали.
Вердикт же вынесен таков: шестнадцать бить кнутами,
А позже ноздри вырывать калёными щипцами.
Да на заводы их сослать, словно рабов навечно:
Там вольницы им не видать, жизнь станет скоротечной.
Других же сорок бить кнутом, носы ж целы оставить,
На поселение в Сибирь их с семьями отправить.
Смутянов тридцать отослать в полки – пусть с турком бьются,
Всех остальных оштрафовать – пушай-ка посмеются!
Ну и, конечно же, казнить десяток самых рьяных –
Четвертовать за страшный бунт злодеев гадких главных.
Узнает на Руси народ – его исчезла воля,
Не вправе громко защищать свои свободы боле.
Гнёт должен удержать в узде, стать крепкими цепями,
Но в цепи дух не заковать, не оградить стенами.
И в людях глас был порождён, летел вперёд стрелюю:
«Ещё не сломлена страна, ещё тряхнём Москвою!».
Тартария¹ жила в умах, хоть не сильна, как прежде,
Мир справедливости желал, не умерла надежда.
Воссел бы на престоле царь, Петром что величали,
Но скинут Фредерикой стал, из тела дух изгнали.
А царь к народу ближе был, давал заботу людям;
Как вдруг пронёсся чудный слух – царь Пётр жив, не умер...

---

¹ Тартария — термин, использовавшийся в литературе и картографии в отношении обширных областей от Каспия до Тихого океана и до границ Китая и Индии.

Глава 2

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ПУГАЧЁВА

Но, перед тем как перейти событий тех путями,
Дабы их лучше разобрать, мы времени волнами
Назад вернёмся – проследим за буднями героя,
Что затрясёт державой всей, не даст властям покоя.
Зимой родился, в январе, в станице Зимовейской,
Там холод словно призывал: «Иди до хаты, грейся!».
Мальца назвали Емельян, среди казаков крутился,
Узнал бы дед, что внука ждёт, Емелей б возгордился!
У деда прозвище Пугач с годов давнишних было,
Для всей фамилии потом основой послужило.
Наш Емельян стал Пугачёв – и имя зазвучало!
Ни Петербургу, ни Москве любви не предвещало.
Есть две сестры и старший брат у казака младого,
Трудились в поле всей семьёй, не ждали рока злого.
В семнадцать службу стал нести Емеля суть казачью,
Через год женился по любви, стал нежностью охвачен.
Ценила казака жена, звалась что Софьей мудро,
Хозяйство ладное вела, вязала быта будни.
Но в армию был забран муж – война тогда гремела,
Что «Семилетней» назовут, всё судьбами хрустела.
Так в Пруссию казак попал, сраженья закутили,
Браваду, смелость в них явил, они лишь закалили.
Взят в ординарцы там сокол за дюжую проворность –
Денисов, славный командир, ту оценил задорность.
И ординарцем удивлял умом и нравом барским,
Один лишь раз не совладал со случая коварством:
В ночи случился шумный бой, пошла неразбериха,

Вдруг конь начальника пропал – умчался ветром лихо.
Недоглядел за ним казак – наказан шибко будет,
Плетей удары никогда Емеля не забудет.
А после кончилась война – казак домой вернулся
(Три года долгих воевал, но там не приглянулся
Ни острой сабле, ни штыку – не стался хлопец ранен),
А дома для жены, родных наш Емельян желанен.

Жена сейчас же понесла по возвращенью мужа,
Казак счастливым дома стал, жену безмерно кружит.
Трофимом сына нарекли, что у четы родился,
Так быт неспешный у семьи пригожей песней лился.
«Ты станешь славным казаком, как дед, отец и прадед,
Продлится род наш на века, отваги не убавит», –
Сынка младой отец обнял, ему шептал на ухо,
Взрастить он в отпрыске мечтал литую силу духа.
Но вскоре призван Пугачёв опять к властям на службу –
Старообрядцев¹ изловить, кто стался непослушен.
Те из страны ушли в бега, где воли, значит, больше –
Все притеснения от владык терпеть уж нету мочи.
И много изловили их, старообрядцев строгих,
На плоти раны-синяки, на душах сплошь ожоги.
Но к староверам был не строг наш Емельян на службе,
Проникся пагубам людей, со многими стал дружен.
Не знал ещё казак лихой, что эти староверы
Добром ответят на добро, в беде помогут смело.
Ну а сейчас в Чернигов град отправили бежавших,
Домой пустили казаков от странствия уставших.
И Емельян на этот раз пробыл подольше дома,
В станице области Донской, где всё ему знакомо.
Жена дочурку родила, назвали Аграфеной,
Ох, рад тому Емеля наш, он счастья ныне пленный.

---

¹ Здесь и далее для соблюдения размера стиха староверы и старообрядцы - синонимы. Понятия по сути разные, но их объединяет то, что и те, и другие подвергались гонениям в XVIII веке.